

Роман Буряков

Карта
счастья

Роман Буряков
Карта счастья

«Автор»

2026

Буряков Р.

Карта счастья / Р. Буряков — «Автор», 2026

Системный администратор Артем привык чинить чужие компьютеры. Однажды на барахолке он покупает странную карту. Оа обещает привести туда, где можно быть счастливым. Артем — технарь до мозга костей, он не верит в чудеса. Но когда его принтер выдает чек с надписью «Пожалуйста, не надо», реальность начинает давать сбой. Следуя точкам маршрута, он встречает бомжа с чайником на пустыре, потерянную любовь у придорожного ларька, девушку-курьера на крыше недостроя и таинственного Шухмина — создателя карты. Каждая встреча — испытание, где нужно выбирать: подписать договор с «системой» на умеренное счастье или рискнуть. Этот рассказ — не про поиск чуда. Это история о том, как перестать убегать от себя. О том, что счастье — это состояние души. И чтобы его найти, не нужна никакая карта.

© Буряков Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Облачное хранилище	5
Глава 2. Станция Внутреннее Кольцо: Пустырь за ТЦ «Звездный»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роман Буряков

Карта счастья

Глава 1. Облачное хранилище

Квартира пахла жареным луком и старыми драйверами. Артем сидел на кухне, вжавшись спиной в холодильник, потому что единственный стул, который не шатался, занимал ноутбук клиентки. Модель была древняя, с треснутым корпусом и вентилятором, который издавал звук, похожий на скрежет открываемой консервной банки. На экране, подмигивая флуоресцентно-розовым, горело сообщение: «Система не загружается. Ошибка 0x0000000F. Пожалуйста, не паникуйте».

— Я и не паникую, — сказал Артем вслух. — Я просто констатирую факты.

Факты были таковы: вторник, два часа дня, за окном подмосковный Королев моросит дождем, похожим на слезы работников ЖЭКа. Ему тридцать два года. Он чинит чужие компьютеры уже двенадцать лет и до сих пор не решил, ненавидит он эту работу или просто устал ее любить.

— Ладно, посмотрим, что у тебя внутри, — пробормотал он, открывая диспетчер задач. То, что он увидел, заставило его отставить кружку с остывшим чаем.

Рабочий стол клиентки, женщины по имени Светлана Викторовна, владелицы маленького магазина детской одежды, был заставлен папками. Папки назывались «Срочно». «Срочно (1)». «Срочно (2)». Артем прокрутил список. Папки шли до тех пор, пока система не начала захлебываться в нумерации. Он кликнул правой кнопкой мыши, выбрал «Свойства». В окне показалось число: 666.

— Это шутка? — спросил он у ноутбука.

Ноутбук не ответил. Вентилятор чихнул.

Артем потерял переносицу. Он был технарем. Он верил в биты, байты, транзисторы и закон Ома. Число 666, с точки зрения информатики, — просто шестнадцатеричный формат. 0x29A. Ничего мистического. Но когда он случайно открыл одну из папок, внутри лежал текстовый файл с единственной строкой: «Ты все делаешь правильно, но счастье от этого не прибавляется».

Он закрыл файл. Потом открыл снова. Строка не исчезла.

— Ладно, — сказал он. — Светлана Викторовна, вы странная женщина.

Он переустановил драйверы, почистил реестр, отключил автозагрузку трех антивирусов, которые боролись друг с другом как дворняги за кусок колбасы. Ноутбук вздохнул и загрузился. На заставке стояла фотография кота в шапке-ушанке.

Артем выключил компьютер, закрыл крышку и посмотрел на часы. Был час дня. Он ничего не ел с утра. И тут он вспомнил, что на барахолке у станции продают пирожки с капустой.

Барахолка ютилась между гаражными кооперативами и остановкой автобуса. Торговали здесь всем, чем можно торговать в России: старыми телефонами, книгами в мягких обложках, кастрюлями с отбитой эмалью, игрушками из киндер-сюрпризов и чьими-то дипломами о переподготовке.

Артем купил пирожок. Съел его стоя, глядя на то, как жирная капля падает на асфальт и мгновенно впитывается в мел. Он уже собирался уходить, когда взгляд его упал на лоток в самом конце ряда.

Лоток принадлежал старику с лицом, похожим на печеное яблоко. Тот сидел на раскладном стуле и читал газету «Аргументы и факты» за две тысячи восемнадцатый год. Перед ним

на грязной клеенке лежали: сломанные часы, баян без двух клавиш, фарфоровая статуэтка Ленина с отбитым пальцем и карта.

Карта была свернута в трубочку и перетянута бечевкой. Она выбивалась из общего ряда, как будто пришла сюда случайно, по ошибке, и ждала, когда ее заметит кто-то, кто умеет смотреть не только под ноги.

— Что это? — спросил Артем, кивая на карту.

— А что надо? — старик не поднял головы.

— Посмотреть.

— Смотри. Сто рублей.

— Сто рублей просто посмотреть?

— Сто рублей поддержать. Посмотреть — бесплатно.

Артем хмыкнул, достал смятую купюру, положил на клеенку. Старик ловко сгреб деньги в карман жилетки, потом протянул карту.

— Только осторожно. Бумага старая.

Артем развязал бечевку. Бечевка распалась на три волокна, словно только этого и ждала. Он развернул карту.

Это было похоже на схему метро. Цветные линии — красная, синяя, зеленая — пересекались, закручивались в петли, уходили в тупики и снова возвращались к центральной оси. Но вместо названий станций Артем прочитал: «Платформа Ожидания», «Тупой Тормозок», «Стеклянный Крик», «Кольцо Пустых Обещаний», «Узел Ненужной Смелости». Каждая станция была обведена кружком, и возле кружка стояла дата и время. Некоторые даты были в будущем. Некоторые — в прошлом.

— Что это? — спросил Артем, чувствуя, как холодок пробегает по позвоночнику.

— Карта, — сказал старик, не отрываясь от газеты.

— Карта чего?

Старик поднял голову. Глаза у него были водянисто-голубые, как небо в марте, когда еще холодно, но уже не зима.

— Карта всех мест, где ты мог бы быть счастливым.

Артем ждал подвоха. Потом рассмеялся.

— Серьезно? И сколько стоит настоящее счастье? Еще пятьсот?

— Пятьсот не надо. Надо пройти все точки. И не врать себе.

Артем перевернул карту. На обороте, написанная каллиграфическим почерком с завитками, стояла формула:

$$c = v \times (\text{отсутствие_страха})^2$$

— Это какой-то бред, — сказал он. — Скорость равна скорости, умноженной на квадрат отсутствия страха? Размерности не сходятся. Отсутствие страха не имеет единиц измерения.

— Имеет, — возразил старик. — Оно измеряется в готовности выглядеть дураком.

Артем хотел вернуть карту, но рука не слушалась. Он посмотрел на лоток. Старика не было. Стул стоял пустой, газета лежала на клеенке, раскрытая на странице с кроссвордом. Артем огляделся. Никто не спешил, никто не кричал «держи вора». Люди шли мимо, неся свои пакеты, свои сумки, свои маленькие невысказанные горести.

Он сунул карту во внутренний карман куртки и пошел домой. Пирожок в желудке свернулся холодным комком.

Вечером он сидел на диване, смотрел в стену и пытался убедить себя, что купил просто старую карту, напечатанную неизвестно кем. Может быть, это студенческая работа. Может быть, художественный проект. Имя на обороте — Шухмин. Некто Шухмин. Артем загуглил. Ничего не нашлось. Он загуглил «Шухмин карта счастья». Вторая ссылка вела на архивную статью местной газеты за девяносто восьмой год. Заголовок: «Местный Кулибин составил карту вселенской гармонии. Эксперты: мужчина опасен для общества».

Артем прочитал статью. В ней говорилось, что некий Евгений Шухмин, бывший инженер НПО «Энергия», потратил двадцать лет на создание «навигационной системы счастья». Он утверждал, что пространство вокруг человека неоднородно и содержит «квантовые узлы», попадая в которые, человек с вероятностью девяносто три процента меняет свою судьбу. Комиссия психиатров признала его невменяемым. Шухмина отправили на принудительное лечение. Статья заканчивалась фразой: «Впоследствии Евгений Шухмин покинул стены лечебницы и исчез. Куда — неизвестно».

Артем выключил телефон. Положил карту на журнальный столик. Она лежала, чуть подсвеченная уличным фонарем, и казалась безобидной. Он лег спать.

И ему приснился сон.

Сон был странный — не цветной и не черно-белый, а какой-то просвечивающий, как калька. Артем стоял в пустом зале ожидания. Ни вокзала, ни аэропорта. Просто комната с пластиковыми креслами и табло, на котором бежали буквы. Напротив, сидел мужчина в свитере с закатанными рукавами. У него были умные, близорукие глаза и большие залысины.

— Здравствуйте, — сказал мужчина. — Я Шухмин.

— Вы мне снится, — ответил Артем.

— Да, — легко согласился Шухмин. — И не только вам. Но это не делает меня менее реальным.

Он достал из кармана точно такую же карту, как у Артема, только размером с ладонь, и покрутил ее в пальцах.

— Ты знаешь, что такое счастье?

— Ну, — Артем замялся. — Когда все хорошо.

— Когда все хорошо — это отсутствие проблем, — поправил Шухмин. — А счастье — это баг. Системный баг. Тот самый глюк, который ты вносишь в свою реальность, когда забываешь про инструкцию.

— Какую инструкцию?

— Кодекс выживания. Не высовывайся. Не рискуй. Не радуйся слишком громко, потому что соседи обидятся. Система, понимаешь ли, не любит багов. Она их исправляет. Затирает. Откатывает к предыдущей версии, где ты сидишь на диване и боишься позвонить девушке, потому что вдруг она не возьмет трубку.

Артему стало не по себе.

— И что делать?

Шухмин улыбнулся. У него не хватало одного зуба, и улыбка получилась трогательная, детская.

— Проходить точки. Карта не врет. Она показывает только те места, где ты мог бы быть счастлив. Не будешь — это уже твой выбор. Но мог бы. И это, знаешь, много.

— А если я не пойду?

— Тогда будешь сидеть на диване и чинить чужие компьютеры. И через десять лет — то же самое. Но без карты ты не узнаешь, что пропустил. А с картой — узнаешь. И это будет мучительно.

Шухмин встал. Зал ожидания начал таять.

— Одно правило, — сказал он, уже растворяясь в воздухе. — Когда придешь на точку, не думай. Действуй. Баги не терпят рефлексии.

Артем проснулся.

Было три часа ночи. За окном моросил все тот же дождь. Карта лежала на столике. Он протянул руку, взял ее, отнес к старенькому принтеру, который стоял в углу и использовался только как подставка для цветочного горшка. Принтер был марки HP, выпущенный в году, когда Путин еще не стал президентом. Артем сунул карту в лоток для бумаги. Нажал кнопку «Скан».

Принтер жажужжал, заскрипел, чихнул картриджем. Из щели вылез чек. На чеке было напечатано:

«Пожалуйста, не надо».

Артем выключил принтер. Постоял. Потом включил снова. Чек вылез тот же самый. Только ниже мелким шрифтом:

«И не пытайтесь. Я серьезно».

Он отнес карту на кухню, положил на стол, налил себе воды из-под крана. Сделал глоток. Вода была холодная и пахла хлоркой. За окном, где-то в темноте, мурлыкал дождь.

— Ладно, — сказал Артем тихо. — Допустим.

Он посмотрел на первую точку. Завтра, пять утра. Пустырь за торговым центром «Звездный». Станция называлась «Внутреннее Кольцо: Чаепитие с возможностью прощения».

— Чаепитие, — повторил Артем. — Бред какой-то.

Он лег на диван и закрыл глаза. Но не спал. Думал. О том, что ему тридцать два. О том, что он никогда не был женат, не был в Париже, не прыгал с парашютом и даже не держал за руку девушку дольше, чем два года. О том, что его жизнь похожа на операционную систему Windows Me — вроде работает, но все время зависает в самый неподходящий момент.

За окном дождь перестал.

Артем посмотрел на карту еще раз.

— Ну идиот, — сказал он себе с нежностью. И уснул.

А утром встал в половине пятого, оделся, взял карту и вышел на улицу. Никто его не провожал. Потому что некому было провожать. Но почему-то на душе стало спокойно и пусто, как перед прыжком в воду, когда еще не знаешь, холодно ли там или тепло, но уже поздно возвращаться.

Глава 2. Станция Внутреннее Кольцо: Пустырь за ТЦ «Звездный»

Артем вышел из подъезда в половине пятого утра, и город показался ему другим.

Не то чтобы город изменился. Та же панельная девятиэтажка, те же припаркованные во дворе машины, покрытые мелкой апрельской изморозью, те же фонари, которые светили желтоватым светом, похожим на несвежее сливочное масло. Но что-то в самой плотности воздуха стало иным. Будто кто-то снял с мира защитную пленку, и теперь все звуки — шаги, дыхание, далекий лай собаки — звучали резче, четче, почти болезненно.

Артем остановился у подъезда, достал карту, развернул ее при свете фонаря. Красная линия, помеченная как «Внутреннее Кольцо», пульсировала. Он не знал, почему ему показалось, что она пульсирует. Бумага есть бумага. Печать есть печать. Но линия действительно подрагивала, как мышца, когда смотришь на нее слишком долго.

— Ты мне снишься, — сказал он карте.

Карта промолчала. Только точка в самом центре пустыря за ТЦ «Звездный» загорелась бледно-зеленым, как светлячок.

Артем сунул карту во внутренний карман куртки, застегнул молнию до самого горла и пошел. Дорога заняла минут двадцать. Сначала мимо спящих панелек с темными окнами, в которых изредка загорался синий свет телевизора — кто-то не спал, кто-то смотрел на мир сквозь прямоугольник экрана, как через иллюминатор подводной лодки. Потом через пустырь, заросший прошлогодней полынью, которая хрустела под ногами и пахла горечью. Потом мимо гаражей, на воротах которых кто-то маркером написал «Не парковать — скорую ждем», и Артем подумал, что это похоже на философский трактат, только очень короткий.

Торговый центр «Звездный» был построен в двухтысячных и с тех пор не знал ни ремонта, ни любви. Огромная бетонная коробка с вывеской, у которой перегорели две буквы, так что читалось «Зве ный». Рядом — асфальтированная площадка с десятком машин, которые, видимо, принадлежали уборщицам и охранникам. Дальше, за металлическим забором в дырах, начинался пустырь.

Артем пролез через дыру, зацепившись курткой за арматуру, выругался, отцепился. Пустырь был огромным. Земля здесь была утрамбована до состояния бетона, но кое-где пробивалась трава — жесткая, серая, похожая на проволоку. Вокруг валялись строительные отходы: куски пенопласта, битый кирпич, ржавая бочка из-под солянки. И в самом центре, как раз там, где карта показывала точку, горел костер.

Небольшой костер. Дым от него поднимался вертикально, потому что ветра не было вообще. Никакого. Артем только сейчас заметил, что воздух вокруг стоит неподвижно. Ни один кустик полыни не шелохнулся. Даже его собственное дыхание, вырываясь изо рта облачками пара, застывало на секунду и потом медленно таяло, как будто не могло решиться, в какую сторону лететь.

У костра сидел человек.

Он сидел на перевернутом ящике из-под бананов, поджав под себя ноги, и смотрел на огонь. Одет он был в несколько слоев: телогрейка непонятного цвета, поверх нее женская кофта с люрексом, поверх кофты — старый пиджак, у которого один рукав был пришит нитками другого цвета. На ногах — резиновые сапоги, на голове — вязаная шапка с помпоном, помпон когда-то был красным, а теперь стал серым, как все остальное.

Рядом с ящиком стоял чайник. Не электрический, не эмалированный, а самый настоящий походный чайник — закопченный, черный, с отбитым носиком, из которого вместо струи вода лилась в трех направлениях сразу. Чайник стоял прямо на углях, и оттуда шел пар.

— Здравствуйте, — сказал Артем.

Человек поднял голову. Ему было лет шестьдесят, а может, и все семьдесят. Лицо его покрывала густая щетина, но глаза — странное дело — были ясными, светлыми, почти детскими. Такие глаза бывают у людей, которые перестали чего-то бояться. Не потому, что стали смелыми, а потому, что потеряли самое дорогое.

— Здорово, коли не шутишь, — ответил человек. Голос у него был хриплый, прокуренный, но не злой. — Давно жду.

— Меня?

— А кого же еще. В пять утра сюда только такие же психологи приходят, как я. Или ты по грибы? Грибов тут нет. Разве что маслята из-под асфальта, но это не сезон.

Человек усмехнулся, потом кивнул на место напротив, где валялся такой же ящик, только без дна.

— Садись. Чай поспел.

Артем сел. Ящик прогнулся под его весом, но не развалился. Костер трещал, бросая на лицо незнакомца оранжевые блики. Артем посмотрел на чайник. Пар шел густой, и пахло не просто кипятком, а чем-то травяным, вязким, с примесью дыма и чабреца.

— Ты кто? — спросил Артем.

— А ты сам как думаешь?

— Бомж?

— Бомж — это бездомный. А у меня дом есть. Вон там, — он махнул рукой в сторону гаражей, — в двадцать седьмом боксе. Там и печка, и раскладушка, и книг штук сорок. Дюма есть, Стругацкие, даже Бродский один томик завалялся. Сын привозил, когда еще навещал. Теперь не навещает.

Он помолчал, глядя на костер. Потом достал из рюкзака две алюминиевые кружки. Поставил их на ящик. Взял тряпку, которой, видимо, пользовался вместо прихватки, схватил чайник за ручку и разлил кипяток по кружкам. Жидкость была темно-коричневой, почти черной, и пахла так, что у Артема защекотало в носу.

— Сбор, — пояснил незнакомец, заметив его взгляд. — Зверобой, душица, чабрец. И немного секретного ингредиента.

— Какого?

— Желание. Без него любой чай — просто горячая вода.

Артем взял кружку. Металл обжигал пальцы, но он не выпустил. Подул, сделал глоток. Горько, терпко, тепло разливается по горлу, спускается в грудь, расходится по рукам. Хороший чай. Даже очень. Артем не пил такого никогда в жизни. Даже в тех дорогих кофейнях, куда его пару раз водили клиенты из новых русских, которые платили налом и просили не выдавать чек.

— Спасибо, — сказал Артем.

— Не за что, — ответил незнакомец. — Я же тебя ждал не чаем поить. Хотя чай — дело святое. Ты, главное, не торопись. События любят паузы. Если ты делаешь паузу слишком короткую, ты не слышишь другого человека. Если слишком длинную — он начинает врать, чтобы заполнить тишину. Так что держи ритм. Как в блюзе.

— Ты в блюзе разбираешься?

— Я в жизни разбираюсь. Блюз — это просто хорошая метафора.

Он допил свою кружку залпом, хотя чай был обжигающим, и поставил ее на ящик кверху дном.

— Ты карту принес? — спросил он небрежно, как будто спрашивал про погоду.

Артем вздрогнул. Рука невольно дернулась к внутреннему карману.

— Откуда ты знаешь?

— Шухмин приходил. Во сне. Сказал, что сегодня с утра будет гость. С картой. И что я должен сказать тебе кое-что.

— Шухмин вам тоже снится?

— Мне уже ничего не снится, парень. Я сплю без снов уже лет двадцать. С того самого дня, как перекрыл клапан. Но это я забегаю вперед. Давай по порядку.

Он подбросил в костер сухую ветку. Ветка вспыхнула, застреляла искрами. Огонь на секунду стал ярче, осветил лицо незнакомца, и Артем увидел, что на щеке у него, под глазом, вытатуирована маленькая звезда. Не тюремная, не армейская. Просто звезда. Пятиконечная. Такие дети рисуют в тетрадках.

— Зовут меня Виктор Петрович, — сказал незнакомец. — Хотя по паспорту я Виктор, а по жизни — дядя Витя. Работал я раньше на заводе «Энергомаш». Слышал про такой?

Артем кивнул.

— Ну, «Энергомаш» — это ракетные двигатели. Мы делали то, что летает. Только мы не летали. Мы сидели в цехе и крутили гайки. Я был старшим смены. Семнадцать лет, сменный график, синий халат, премии к празднику. Нормальная советская жизнь, если не считать того, что мы постоянно недосыпали и пили кофе такой крепости, что ложка вставала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.